

Глава 5

На миг Цянь Яо показалось, что костлявая рука смерти уже коснулась его плеча. Но нет — вопреки ожиданиям, император разжал пальцы и, величественно вскинув руку, велел слугам готовить его ко сну.

Сложные, многослойные одежды падали одна за другой, занимая свои места на резных вешалках неподалеку. Вскоре тяжелые складки ярко-желтого балдахина скрыли ложе, свечи в покоех погасли, и воцарилась гнетущая тишина.

Лишь теперь удушливое, подобно приливной волне, давление начало медленно отступать, и юноша наконец смог вздохнуть. Однако в этой звенящей пустоте он боялся даже дышать слишком громко.

Повеления подняться так и не поступило. Пленник обстоятельств продолжал стоять на коленях, боясь шелохнуться. Ощущение от прикосновения к подбородку всё еще жгло кожу: пальцы этого человека были длинными и изящными, но подушечки — грубыми и мозолистыми. Когда он касался лица, казалось, будто по коже скользит острая сталь, оставляя после себя фантомную боль.

«Что всё это значило? — билось в голове Цянь Яо. — Что он имел в виду под словом "скучный"? Неужели раньше я казался ему забавным?»

Он тщетно пытался найти ответ. Не в силах совладать с любопытством, юноша осторожно огляделся, надеясь прочесть хоть что-то на лицах окружающих, хотя и понимал, что вряд ли кто-то снизойдет до объяснений.

Но слуги стояли слишком далеко. Окутанные тенями, безмолвные и неподвижные, в своих углах они походили на оживших глиняных идиолов.

Цянь Яо в отчаянии опустил голову.

«Что же мне делать? Похоже, я и впрямь одной ногой в могиле»

Впрочем, юноша попытался найти в этом крупицу утешения. В конце концов, он и сам подумывал о смерти как о единственном выходе, вот только... если бы ему позволили самому выбрать, как уйти?

При этой мысли воображение услужливо подкинуло кадры из исторических драм: бесконечные сцены казней евнухов и служанок. В этот миг отчаяние накрыло его с головой, становясь всё более невыносимым. Оно, казалось, заполняло собой всё пространство огромного зала.

Но постепенно Цянь Яо поймал себя на мысли, что смиряется.

«Ладно. Чему быть, того не миновать. Умереть — значит наконец избавиться от этого вечного страха. Может, тогда я смогу переродиться в своем времени»

Тишина давила на уши, а из-за того, что встать пришлось ни свет ни заря, на него навалилась непреодолимая дремота. Осознав, что засыпает, он даже восхитился собственной беспечности: в такой ситуации — и клевать носом! Чтобы прогнать сон, он с силой ущипнул себя за руку.

Он не знал, какое наказание положено за сон во время ночного дежурства, но догадывался, что по головке не погладят. Вполне вероятно, что к утру эта самая голова уже не будет украшать его плечи.

«Хотя казнь через обезглавливание — не худший вариант. Зрелище, конечно, жуткое, зато смерть наступает мгновенно»

Поймав себя на подобных размышлениях, юноша яростно потрянул головой.

«О чем я только думаю посреди ночи?!»

Чтобы отогнать кошмары, он закрыл глаза и принялся мысленно читать Мантру Великой Сострадательности. Но монотонный ритм молитвы подействовал на измученный разум хуже любого снотворного. Превозмогая слабость, он продержался до середины ночи, пока в конце концов не убавукал сам себя и не провалился в глубокий сон.

Когда веки Цянь Яо дрогнули и он открыл глаза, всё его тело пронзила невыносимая ломота. Лицо прижалось к чему-то мягкому; он не сразу понял, что лежит щекой на полу. Ворс ковра был таким густым и плотным, что юноша почти утонул в нем.

Суставы задеревенели от долгой неподвижности, кости казались ржавым железом, и каждое мимолетное движение отдавалось вспышкой боли.

«Значит... я всё-таки заснул прямо на коленях?»

Стоило этой мысли оформиться, как первой реакцией стал порыв немедленно вскочить. Однако мышцы свело так сильно, что он не смог даже пошевелиться.

Наверное, человек ко всему привыкает — даже к постоянным неудачам. Цянь Яо не впал в панику, а лишь начал безмолвно молить небеса о том, чтобы тиран еще не проснулся. Но яркий дневной свет, заливавший спальню, безжалостно развеял эти иллюзии. Утро давно наступило. Обувь, стоявшая у драконьего ложа, исчезла — император уже ушел на утренний прием.

«Всё кончено»

Юноша в отчаянии зажмурился.

«Рано или поздно это должно было случиться»

С трудом, преодолевая слабость, он всё же заставил себя подняться. Взгляд упал на западные часы: стрелки приближались к девяти. Какая ирония — впервые в этом мире он смог выспаться, и где? Прямо под носом у деспота.

Впрочем, теперь это не имело значения. Скоро он уснет вечным сном.

Цянь Яо не знал, когда император вернется. За те несколько дней, что он провел здесь, юноша успел понять: этот человек — законченный трудоголик. Почти всё время он проводил во дворце Сымин, заваленный отчетами и свитками, возвращаясь в спальню лишь глубокой ночью.

Но это означало лишь одно: ему придется простоять здесь на коленях весь день. После ночного бдения его ноги совсем потеряли чувствительность; если он проведет так еще двенадцать часов, они окончательно откажут.

Несмотря на отсутствие господина, покои кишели слугами. Цянь Яо не осмеливался встать в открытую, лишь слегка разминал затекшие конечности. Но не успел он немного прийти в себя, как снаружи послышались торопливые шаги, среди которых выделялся один — тяжелый и уверенный.

Сердце юноши ушло в пятки. В дверях показался император.

Он только что покинул тронный зал. На нем было черно-красное придворное одеяние, голову венчала тяжелая корона. Эти цвета удивительно подходили ему, подчеркивая суровую, почти хищную ауру власти.

Слуги при его появлении пали ниц. Цянь Яо, который мечтал оказаться где угодно, только не здесь, последовал их примеру. Он склонился в глубоком поклоне, мечтая лишь о том, чтобы буквально провалиться сквозь землю.

Душу разрывали противоречия. С одной стороны, хотелось поскорее узнать свою участь — ожидание казни было невыносимым. С другой — он до дрожи боялся того, какую изощренную кару придумает для него этот человек.

Раздумья прервал вид черных сапог, расшитых золотыми драконами, замерших прямо перед его лицом. Во всем дворце такую обувь мог носить лишь один человек.

Сердце юноши на миг замерло. Тишина снова стала абсолютной, хотя в покое находились десятки людей. Император молчал, не двигаясь и не произнося ни слова. Но Цянь Яо кожей чувствовал его тяжелый, оценивающий взгляд.

«Да чего же ты хочешь от меня? — кричало всё внутри. — Почему нельзя просто сказать? У меня нет дара читать чужие мысли, тем более — мысли императора!»

Долгое безмолвие стало невыносимым. Воздух вокруг, казалось, уплотнился, превратившись в невидимый пресс. Колени горели огнем, и юноша не мог сдержать мелкую дрожь.

Никогда прежде он так страстно не желал, чтобы этот человек заговорил. Что угодно, лишь бы нарушить эту сводящую с ума пытку. Струна его разума, натянутая до предела, внезапно лопнула.

Сам не понимая, что делает, Цянь Яо забыл о строжайшем запрете смотреть в лицо монарху. Он поднял голову и встретился с ним взглядом.

Мужчина действительно смотрел на него. Его необычные глаза с разноцветными зрачками холодно изучали юношу, точно неодушевленный предмет. Но стоило их взорам пересечься, как в глубине этого льда что-то мелькнуло — едва заметная искра интереса.

Осознав масштаб своей оплошности, Цянь Яо тут же снова уткнулся лицом в пол.

— Ваше Величество, пощадите! — выдохнул он.

В ответ сверху донесся тихий, едва различимый смешок. От этого звука у юноши похолодело внутри — он был уверен, что следующим приказом станет казнь или, в лучшем случае, палки.

Однако слова императора застали его врасплох:

— Почему ты всё еще на коленях?

Цянь Яо резко вскинул голову. Император всё так же спокойно взирал на него.

Юноша совершенно растерялся. Неужели его простили? Но почему?

Отбросив лишние раздумья, он попытался немедленно подняться, но затекшие ноги словно перестали ему подчиняться. Пронзительная боль сковала мышцы. Цянь Яо удалось лишь поползти до ближайшего табурета. Вцепившись в него руками, он попытался подтянуться, но силы оставили его, и он беспомощно рухнул на сиденье.

И снова он услышал смех — на этот раз более отчетливый.

«Смейся-смейся, проклятый деспот», — ядовито подумал Цянь Яо, но вслух не смел издать ни звука.

— Мо Цунь, — внезапно позвал император. Молодой евнух тут же материализовался рядом.

— Слушаю, Ваше Величество.

— Отправьте его обратно.

— Будет исполнено.

Тот, кого назвали Мо Цунем, хлопнул в ладоши, и двое слуг в красном подхватили Цянь Яо под руки и вынесли из покоев.

Впервые в жизни его несли вот так — на руках — через весь дворец до самого двора евнухов. Это необычное зрелище вызвало немалый переполох среди тех, кто не был занят на службе; многие высунулись из своих комнат, чтобы поглазеть на процессию.

Впрочем, никто не решился подойти или расспросить, что произошло. Цянь Яо не знал, был ли на этот счет особый приказ императора, но сейчас ему было всё равно. Боль в ногах была такой острой, что на любопытных коллег просто не оставалось сил.

Оказавшись на своей постели, он долго не решался закатать штанины. А когда решился — едва не вскрикнул. Кожа на обеих ногах покрылась багрово-синими пятнами, а колени и вовсе почернели от кровоподтеков.

Глядя на это, Цянь Яо едва не разрыдался. Он знал, что будет плохо, но не до такой же степени! Неужели он останется калекой? Делают ли в этом мире ампутацию под наркозом?

К счастью, его страхи оказались преувеличены. Да и лекаря для простого евнуха никто вызывать не собирался. Раны были поверхностными — кожа пострадала сильно, но кости остались целы. Уже на следующий день он смог понемногу ходить.

Цянь Яо надеялся, что после такой травмы ему дадут хоть пару дней отдыха, но суровая реальность быстро поставила его на место. На третий день он снова должен был выйти на службу.

«Будь ты проклят, феодализм», — угрюмо думал он.

Утешало лишь то, что работа была непыльной — всего лишь подавать чай. Но стоять приходилось часами. Колени, лишенные какого-либо лечения, заживали медленно, и каждая смена превращалась в пытку.

Юноша чувствовал, что сходит с ума. Он не мог даже выплеснуть гнев, лишь безмолвно проклиная судьбу.

«За что мне эта каторжная жизнь? Почему я здесь? Что я сделал не так?»

Порой ему казалось, что он на самом деле умер, а этот мир — не что иное, как восемнадцатый уровень ада, где его наказывают за грехи прошлой жизни. Но ведь он всегда был законопослушным гражданином, никого не обижал и жил честно...

Цянь Яо жаждал ответов от небес, но небеса хранили молчание.

Нельзя не признать: человек — существо ко всему привычное. Несмотря на то что вставать приходилось с петухами, а трудиться — до изнеможения, он постепенно втянулся. Тиран, хоть и отличался непредсказуемым нравом, большую часть времени был слишком занят, чтобы обращать на него внимание. Приемы, отчеты, тренировки в стрельбе и каллиграфии — график императора был плотным. А редкие свободные минуты он посвящал... кормлению птиц.

Да, этот жестокий правитель, по локоть запятнанный кровью, обожал птиц.

Звучит невероятно, но это было так. И вкус его был весьма специфичен: он держал только воробьев. По одному в спальне и в кабинете.

Цянь Яо не понимал этого странного увлечения, но не смел осуждать — в конце концов, современный мир, из которого он пришел, знал и более причудливые привязанности. На фоне некоторых безумств будущего обычный воробей казался почти невинной забавой.

В тот день император закончил работу в дворце Сымин глубокой ночью. Однако, вернувшись, он не стал готовиться ко сну, а, выпив чашку чая, принялся кормить воробья в спальне.

Цянь Яо сегодня не дежурил в ночь, он должен был уйти отдыхать сразу, как только государь ляжет. Но император, словно назло, увлекся игрой с птицей и простоял у клетки добрых полчаса.

Пока он не спит, юноша не может уйти. Он стоял неподалеку, готовый в любую секунду сменить чай, который полагалось обновлять каждые пятнадцать минут.

Цянь Яо чувствовал, что его рассудок вот-вот помутится. Ему отчаянно хотелось спать. В прежней жизни даже самые ранние лекции в университете не доводили его до такого изнеможения. Здесь же он не выспался ни разу. Ни единого раза! Он чувствовал себя

настолько измотанным, что, казалось, готов был уснуть стоя.

Хронический недосып туманил сознание, вызывая странные видения. Ему хотелось найти себя прежнего, того, что засиживался по ночам в интернете, и хорошенько выпороть.

«Вот тебе твои бессонные ночи! Получай расплату!» — злобно бормотал он про себя.

Физическую боль еще можно было терпеть, но ментальная усталость была невыносимой. Юноше казалось, что он балансирует на грани безумия.

И хотя он не был приверженцем однополрой любви, порой его посещали безумные мысли.

«Почему я попал в тело евнуха? Будь я какой-нибудь безвестной наложницей, которую после первой же ночи забыли в дальнем павильоне... Да, жизнь была бы не сахар, но всё лучше, чем так вкалывать. Кормили бы, поили, и никакой муштры»

Но теперь вернуться в свой мир уже невозможно. Оставалось лишь надеяться на чудо: вдруг однажды этот тиран напьется и, не заметив обмана, решит его мимолетно облагодетельствовать? А проснувшись утром, почувствует неловкость, одарит золотом и выставит прочь из дворца. Ну, или хотя бы запрет в каком-нибудь богом забытом павильоне, где будет вкусно кормить и оставит в покое, вычеркнув из памяти.

Конечно, он понимал абсурдность этих мечтаний — в постели его обман тут же раскрылся бы. Но... воображать-то не запрещено.

Картины праздной жизни были так заманчивы, что Цянь Яо снова забылся. Он замер, не сводя глаз со спины императора, стоявшего неподалеку.

Лишь когда мужчина, словно что-то почувствовав, шевельнулся, юноша опомнился и поспешно опустил голову.

К счастью, император не обернулся, продолжая дразнить птицу. Цянь Яо перевел дух и вернулся к своим фантазиям.

Мысли о покое и тепле были так сладки, что он невольно вздохнул про себя.

«Эх, если бы всё это стало правдой. Как же я ненавижу вставать ни свет ни заря»

«Жаль только...»

«Интересно, а Его Величество... предпочитает мужчин?»

«Хотя, о чем это я. Даже если и предпочитает — если он меня "облагодетельствует", я отправлюсь на плаху еще быстрее»

«Но вообще странно. У каждого императора — гарем из сотен красавиц, а у этого после восшествия на престол — ни души. Может, он и впрямь того... по мужской части?»

«Похоже, я наткнулся на государственную тайну»

«Значит, император действительно...»

Цянь Яо не успел додумать. Внезапно он почувствовал на себе тяжелый, почти осязаемый взгляд.

Это ощущение было слишком знакомым. Юноша инстинктивно вскинул голову и обомлел: император, который только что кормил воробья, уже стоял к нему лицом.

Его левая рука была поднята к голове, длинные пальцы мерно массировали висок, словно унимая внезапную боль.

Узкие, холодные глаза смотрели прямо на него, а на губах играла странная, пугающая полуулыбка.

<http://bllate.org/book/15347/1412805>